

Данталион, Король Простолюдинов, 71-го ранга

15.04.1506г. по Имперскому календарю

Поллис

- Это безумие, - запротестовала Лазурит.

- Если вы пойдёте, я не смогу вас защитить, - посоветовала Фарнезе.

- Что ж, господин - безумец, так что, если понадобится, я отдам за вас свою жизнь! - предложила Хумбаба.

Отклонив протест, держа в уме совет и приняв предложение, я, Данталион, отправился к месту, где находились силы Нейтральной Фракции.

Полночь уже миновала, и ночь была темна. Единственным моим стражем была Хумбаба, но и она была безоружна. К тому же, они так далеко зашли в её осмотре, что проверили даже нижнее белье, заставив раздеться. Её кожа, пережившая долгие времена истязания и пыток, оказалась у всех на виду.

- А-ха-ха! Я ничего не утаиваю. Мне нечего прятать. У меня правда ничего нет. Вы думаете, я настолько сумасшедшая, чтобы вступать в конфликт с Владыкой Демонов, у которого в закладе моя жизнь? Я Хумбаба. Главная ведьма, управляющая Тремя Кошмарами. Я была бы рада, если бы вы выказывали хоть какое-то уважение к ордену Четырёхлистника, прикреплённому к моей шляпе.

- ...

Страж осмотрел Хумбабу сверху донизу и кивнул. После этого она была допущена в лагерь Нейтральной Фракции. Лишь после того, как они полностью осмотрели её тело.

Хумбаба улыбалась до ушей.

- Видели, господин? Именно из-за такого поведения я и думаю, что абсолютное большинство мужчин в мире возжелали бы моего тела. Даже если я спокойно иду куда-то без задних мыслей, они всё равно вытворяют такое.

- Боже. Вся твоя жизнь — это сплошное самоедство.

- Да, этого я отрицать не могу. Как и ожидалось от господина. Было бы совсем идеально, если бы вы ещё добавили, что самоедство — это моя личная пытка.

Мы шли рядом как господин и слуга и переговаривались. Солдаты Нейтральной Фракции сопровождали нас совсем близко с обеих сторон. Факелы в их руках освещали их лица. От элитных солдат можно ожидать, что их лица будут лишены всякого выражения, но несмотря на это, каждый раз, когда их взгляд цеплялся за Хумбабу, они хмурились.

Интересно, как долго мы тогда шли?

Нас сопровождали к особенно массивной палатке. Это был военный шатёр, сделанный из сшитых друг с другом тигриных шкур. Так как ни Барбатос, ни Пеймон особо не

заморачивались по поводу пышности их жилищ, шатёр, представший перед моими глазами, был самым роскошным, что я когда-либо видел.

Все стражи, стоявшие у входа, имели орден Двулистника на своих шлемах. Орден в форме листа был честью, которая выказывалась только тем, кто участвовал в Альянсе Полумесяца и совершил достойный подвиг.

Так как этот Альянс Полумесяца был восьмым, и экспедиция ещё не завершилась, этот орден, несомненно, был получен в шестой или седьмой экспедициях. Это значило, что стражи, коих насчитывалось чуть более двадцати, все были воинами-ветеранами, которые смогли выжить в течении последних двухсот лет. Хумбаба вела себя, как неугомонная собачка, и тыкала пальцем в свою остроконечную шляпу.

– Господин, господин! Смотрите! У меня тут Четырёхлистник.

– ...

– У них всех всего лишь Двулистники. А-ха-ха. Я сильнее их в два раза!

Ого.

Как только Хумбаба произнесла эти слова, стражи обратили на неё свои смертоносные взглядами. Несмотря на мой вид, я всё ещё остаюсь Владыкой Демонов. Я провёл рукой к рогу на своей голове и прошептал.

– ... Пусть у тебя и четыре листа, разве ты не получила их, пресмыкаясь перед Её Высочеством Пеймон, после того как провернула какую-то хитрость? Молю тебя. Помни, что сейчас мы посреди армии, которая в один миг может начать относиться к нам враждебно.

– Эх. Но у меня хроническое заболевание, при котором я становлюсь угрюмой, если замолкаю хотя бы на секунду.

– По крайней мере, ты не могла бы говорить так тихо, чтобы слышал тебя только я?

– Ха-а-а. Только не говорите, что это было тайное признание? Вы не должны этого делать, господин. У меня уже есть господин, которому я посвятила свою любовь, так что я никак не могу отдать господину своё тело!..

Да уж.

Плевать.

Чего я вообще от тебя ожидал?

Прости, расти здоровой.

Под взглядами стражей я и Хумбаба продолжали переговариваться. После того, как прошло почти полчаса, из шатра послышался низкий голос.

– Владыка Демонов Данталион, войди.

Голос имел древний тон. Однако в нём звучал грозный рокот, который не могла успокоить даже древность.

Я почесал Хумбабе за ухом.

– Я вернусь.

– Да, господин, – она светло улыбнулась, – я буду ждать. Всегда.

Как и снаружи, внутри шатёр тоже был внушительных размеров. Я думал, что мой шатёр можно назвать роскошным, учитывая, сколько я вложил в него денег, но место, где жил глава Нейтральной Фракции, было совсем на другом уровне.

Двенадцать слуг стояли, молча склонив головы. На меня смотрели шестеро телохранителей, некоторые из которых держали в руках копье, у других на поясе висел меч. На полу был расстелен красный ковёр, а на его краю стоял огромный трон. На этом троне, неровно облокотившись, сидел монарх.

В месте, которое нельзя было назвать шатром.

Скорее дворцом, расположенным посреди вражеского военного лагеря.

– Данталион, – заговорил монарх. – Достоин восхищения, что ты пришёл сюда один. Ты здесь, чтобы принять мой вызов?

Марбас смотрел прямо на меня.

Его лицо было близко. Его взгляд был твёрд. Его многолетний опыт оставил свой след на лице в виде морщин. Его стойкие плечи выражали решительную стойкость. Передо мной сидел тот, кто не делал различия между убеждениями и жизнью, а собирал лишь убеждения о жизни и жизнь с убеждениями. Он был превосходно стойким монархом.

– Последний раз я видел тебя сразу после речи о вступлении в войну. Разве ты не был заключён?

Я склонил голову и ответил.

– Мои грехи были прощены, и меня освободили.

– Слышал, слышал. Ты был выпущен в тот же день, когда произошла трагедия на Равнинах Бруно?

– ...

Я на мгновение задумался.

Солгать в этой ситуации было простой задачей. Я был уверен в своей способности вводить в заблуждение. Также было много способов ответить на этот вопрос неоднозначно. Однако симулировать невежество сейчас, скорее всего, было не самым важным. Критически важным было развить положительное впечатление, которое я произвёл на монарха.

"Он, мягко говоря, очень принципиальный", – сказала Пеймон.

"Говоря ещё мягче, он чертовски агрессивное ископаемое", – добавила Барбатос.

"Ещё он храбрый старик".

"Ещё он храбрый старик".

Нельзя было назвать эти высказывания особенно полезными.

Я покачал головой, поражаясь своей проклятой памяти.

– Ваше Превосходительство, я наблюдал эту трагедию собственными глазами. Я не мог остановить её, хоть и был свидетелем, но даже если бы мог, я бы не стал, поэтому было бы постыдно утверждать, что я никоим образом непричастен к этой трагедии.

– Это надлежащий и здравый аргумент. Подними свою голову.

Я повиновался.

На правом глазу монарха находился монокль. В шатре тут и там были расставлены свечи, и монокль, отражая их свет, то и дело отбрасывал блики. Мне было трудно смотреть на его лицо, но монарх осматривал меня с ног до головы.

– Данталион, так как ты самый младший среди нас и самого низкого ранга, я полагаю, что ты едва ли причастен к тому происшествию. Даже в тот самый день, когда проливалась кровь, ты, скорее всего, не мог вмешаться, потому что находился в заточении. Среди всех товарищей, что кличут себя Альянсом Полумесяца, один лишь ты невинен.

– Я польщён, Ваше Превосходительство.

Всё было совсем не так.

Мне жаль об этом говорить, Марбас, но если уж и искать главного виновника той резни, то в первую очередь показать пальцем нужно на меня. По существу, именно ко мне ты должен испытывать самое враждебное отношение. Но, как бы то ни было, тебе ничего не остаётся, кроме такого заблуждения.

Потому что.

– Барбатос и Пеймон безжалостно оставили тебя позади, заставив напасть на приближающихся людей. Нет сомнений, что тебя выпустили, лишь чтобы использовать как жертвенного ягнёнка. Ты не чувствуешь досаду?

Да.

Потому что как ни посмотреть на мою ситуацию, все будут видеть её именно так.

– ...

Ах, я смеялся у себя в голове. Несмотря на мои рассуждения, я и Принцесса Империи Элизабет были одинаковы. Для нас победы и поражения в битвах были второстепенными задачами.

Победы прекрасны и приятны, в то же время поражения унижительны и позорны. В самом редком случае, когда ты участвуешь в битве, в которой можешь быть унижен и опозорен, ты должен убедиться, что, даже потерпев поражение, ты сможешь урвать что-то для себя. Как правило, стоит вступать именно в такие битвы.

Принцесса Империи потерпела поражение. Несмотря на это, она получила обоснование. Она получила бы его при любом исходе битвы. По этой причине Принцесса Империи без колебаний преследовала нас до моря деревьев.

Я торжествовал. Однако, даже если бы я проиграл битву, моя невинность всё равно была бы доказана. Для остальных Владык Демонов я был бедным, прискорбным и жалким малым, мелкой сошкой, которую обвели вокруг пальца Барбатос и Пеймон, чтобы позже выбросить, как разыгранную карту.

Я победил. Однако, пусть наши силы и победили, что делал я? Где я был, когда Фарнезе ранил вражеский болт, а ведьмы бросались на врага, не жалея собственных тел? Позади. Я устанавливал лагерь в безопасном месте вдалеке от них и принимал дезертиров.

Пусть я выиграл, эта победа досталась нам совсем не моими заслугами, поэтому я лишь стоял рядом с победной славой. Кто-то может посчитать такой ход мыслей неразумным, но я считаю, что это самое прекрасное из возможных умозаключений.

<http://tl.rulate.ru/book/378/255696>